

Александр Титов

ТРЕТЬЕ ОКНО

Рассказы

КРАСНИНСКИЙ АНГЕЛОК

Трудно сказать, чем руководствуются мальчишки, когда обращают внимание на обыкновенные для взрослых вещи. Ну что интересного в старинном русском погребе с его каменным входом и массивной дверью, утепленной обыкновенной ватой? Но именно здесь, поодаль от дома, на прекрасной зеленой лужайке разворачивались главные детские события.

Назвать их можно по-разному. Например, стрелковые бдения. Юные Робин Гуды использовали экзотические арсеналы: луки и стрелы, самодельные пищали с медными трубками (с прорезями для запала), рогатки. Мишени выбирались разные — дощатые, картонные, матерчатые, а то и бумажные. Редкий случай — живые мишени, на что решался не каждый. Зато призы обговаривались самые-самые — ножички, увеличительные стекла, биты. Бывал у вихрастых и конопатых краснинцев даже яблочный Спас, конечно, с поправками на контингент. Не зря же на гербе райцентра присутствуют эти ароматные плоды.

К назначенному времени к погребу подтягивались все друзья, имеющие разные веселые прозвища — Рубли, Грабли и Культиваторы. В их фигурах

смешно выделялись животы, образовавшийся от яблок, насыпанных под майку или рубашку. Наследники Бунина, который родился в тридцати километрах от села Красного, надрали яблок в чужих садах. Ясно дело, без хозяйского благоволения. В кучу ссыпались зеленые, красные, желтые плоды, начиная с антоновки (любимой у классика литературы) до редкостного «Сахарного аркада». Коллективно шла дегустация, выбирались лучшие сорта, а на премию победителей надо было найти в кармане солидный по тем временами пятак.

Так и шла жизнь на излюбленном лобном месте, в тени тополей, переходящих с центральной улицы Октябрьской в небольшой лесок у Костомаровского пруда. На мягкой клеверной травке хорошо было просто полежать, послушать байки товарищей, а если повезет — услышать новую песню распространенного тогда воровского жанра. Иногда компания пополнялась новыми сверстниками, в основном прибывшими на летние каникулы из Москвы в елецком поезде. Они говорили об очень интересных вещах, которые как бы заново открывали мир. Почти все восхищалась услышанным, но были такие, кто и ухом не вел.

Мне запомнился высокий долговязый сверстник Саша Титов, внешне скромный и немногословный, приходивший с выгона, где мы проводили время на небольшом футбольном поле с шаткими самодельными воротами. Все его знали: мать работала почтальоном, и он иногда помогал ей. Слушал гостей Шурик внимательно, сразу никак не реагировал, но позже, откинув назад густой чуб резким движением головы, мог спокойно объяснить услышанный факт личного бытия. Молодая школьная библиотечка объяснила осведомленность шкета любовью к книгам, коих он перечитал с добрую сотню.

Однажды украсил нашу бандочку рослый, ладно скроенный парнишка, как выяснилось, игрок столичной юношеской команды ЦСКА. Какие чудеса владения футбольным мячом показал москвич на выгоне!словно настоящий бразилец!

— Клуб известный, тренировки и условия такие, что мама не горюй: тренеры отбирают самых талантливых, — вскользя, без намека на всезнание, пояснил Саша.

Так вот изо дня в день летних каникул с его помощью и содействием других вундеркиндов мы становились осведомленнее не только в футбольных делах. В стране в 50–60-е годы происходило много интересного и захватывающего: в космосе, на земле и море, в строительстве и науке. Союз динамично развивался, успешно избавляясь от последствий войны. Не было смысла никого агитировать возводить новые города, поднимать целину, растить хлеб. Возмужавшие краснинские мальчишки смело отправлялись в Липецк плавить металл, собирать трактора, а также на Север — осваивать новые территории, строить дороги, плотины ГЭС. Вот только несколько примеров из моего ближайшего окружения.

Сереза Панин подался на Волгу в Ярославль, где за десятилетия учебы и упорного освоения профессии стал известным корабелом, заместителем генерального директора судостроительного

завода. Именно ему доверялось дело огромной важности представлять военным, рыбакам, транспортникам разные корабли, построенных на верфях города на Волге. С этой ответственной миссией мой детский друг посетил десятки морских портов европейской части страны, Крайнего Севера и Дальнего Востока... Коля Костомаров, первый хулиган на деревне и способный футболист, к удивлению многих сделал хорошую карьеру в МВД в Москве, как и его брат по прозвищу Полтинник. Уехало молодежи по разным городам много. Дядя, Анатолий Кузьмич Клыков, крестьянский сын, нашел применение своим талантам сначала в Прибалтике, где служил водолазом в ВМФ, а потом в Белоруссии, куда был сослан дед Алексей (мой прадед), объявленный кулаком за владение двух лошадей. В Минске дядя стал заслуженным машиностроителем на заводе знаменитых тракторов «Беларусь». Начинал простым слесарем-сборщиком, а завершил карьеру начальником главного конвейера, был награжден многими орденами и медалями СССР за ударный труд. Со временем на упомянутом предприятии образовалась целая краснинская династия «трактористов». Кузьмичу составил компанию племянник Володя Ампилов (сын фронтовика и заметного в райцентре строителя Михаила Андреевича Ампилова), который также достиг больших успехов — сначала на комсомольской работе, а потом в инженерной, став заместителем генерального директора. К тому времени на тракторном уже трудилась сестра бывшего водолаза Лидия, связавшая жизнь с начальником цеха завода одесситом Анатолием Гриченасом.

Что любопытно, все дети липецких переселенцев каждый год держали летом путь из белорусского Полесья в родное село Красное, где проводили каникулы на квасных бабушкиных и дедушкиных харчах, а возвращались домой розовощекими и упитанными.

Этот почетный список можно продолжать и дальше. В нем есть боевые летчики, моряки, покорители Севера, из-

Александр Титов

вестные педагоги, врачи, ученые. Вот только один пример. У деда Кузьмы Егоровича был кум и друг Дмитрий Пияхин, дочь его стала доктором химических наук, а сын — кандидат технических. Последний, Анатолий, успешно работал в космической отрасли — конструировал различные сложные приборы. Жизнь показала: способные ребята в Придонье — не редкость.

...Один из немногих, Саша Титов, остался жить, где родился. Тут он и пригодился. Сначала осваивал простые рабочие профессии, а потом начал раскрываться его талант журналиста, писателя, исследователя литературы. Захваченный темпом своих переездов, я надолго потерял его из поля зрения. Эпизодически слышал об успешной издательской и литературной деятельности, партнерстве с кинорежиссерами. Вернула потерянное внимание к товарищу детства «Литературная газета» № 42–43 за 2010 год, прочитанная в вагоне поезда, мчащегося из Санкт-Петербурга на Северный Кавказ.

Во-первых, привлек заголовок «Литература стала ничем», созвучный мое-

му настроению. Действительно, как можно было не заметить в самом Отечестве преступного забвения великой русской литературы, ставшей на века гордостью мировой культуры?! Сравнительно небольшое эссе мастерски вместило огромную боль писателя-патриота по утрате огромного российского книжного наследия. Во-вторых, впечатлил умный критический анализ неразрывной связи литературы с жизнью. Потрясло и другое: в каждой строке эссе, чем может похвастаться не каждый столичный прозаик, — глубокое знание предмета, широка кругозора, смелые мысли. Это было для меня настоящим открытием, если учесть постоянное жительство автора в селе Красном, многолетнюю работу в районной газете. Редко кому удавалось в подобных условиях избежать провинциального взгляда и подняться в мастерстве до высочайшего уровня.

Александр сначала делится с читателями негативными переменами в жизни: пропали мечты, поиски смысла бытия, идеалов, исчезли даже тайны эпохи, остатки романтизма, культ чтения. Перестройки, рывки к капитализму, материальные заботы окончательно вытеснили литературу из повседневного обихода россиянина. Молодые люди даже путают имена классиков. И вот приговор: «Литература превращается из основы искусства в сырье для различных шоу. Великие книги похоронены на книжных полках». Автор уверен, что вековые цели русского писателя — призывать человека к любви и добру — сейчас не осознаются. А ведь предназначение прозаиков и поэтов остается прежним — «глаголом жечь сердца людей», укреплять человека, помогать ему.

И все же, как ни критична ситуация, Титов высказывает надежду на выживаемость русской литературы, на ее иммунитет.

Можно и дальше пересказывать содержание газетного материала, отчасти похожего на памфлет, но хватит и небольшого цитирования, чтобы понять — перед нами большой мастер сло-

ва, тончайший знаток русской литературы, мятущаяся душа, болеющая за судьбу простых людей в глубинной России. И ведь это все чудным образом сконцентрировалось в застенчивом пареньке, с которым мы гоняли футбольный мяч на выгоне, ловили окуней в местных прудах, ходили с дедами в ночное... Возникло естественное желание увидеться, поговорить, повспоминать, спросить совета у маститого литератора. Александр сразу же ответил на письмо, без раздумий пригласил в гости. Но мои приглашения не принял, так как покидать родное место категорически отказался. Уже при встрече в Красном, очень похорошевшем, пояснил, что дочь Катерина регулярно зовет в гости в Москву, но он не хочет покидать село даже на короткое время, даже ради встречи с родным человечком.

— Когда я учился на Высших литературных курсах в столице, регулярно ездил домой, очень люблю село, семью, не хочется ни санаториев, ни домов отдыха, ни моря, ни гор — ничего, кроме своего Черноземного края, — признался писатель.

Жил он все на том же выгоне в большом родительском домике, в котором провел все детство. Полиграфический институт окончил заочно по причине упомянутой оседлости. Редкий случай необычайной любви к малой родине! Здесь все мило его сердцу: каскад прудов, в которые смотрятся плакучие ивы, возрожденный храм, прекрасный парк, опрятные улицы, своеобразная мягкая речь с неизменными мягкими знаками после согласных и буквой «я» вместо «а».

На старом, выдавшем виды диване, с вышитыми лебедями на настенном гобелене, мы не один час провели в беседах о судьбах писателей и литературы. Распад Союза больно ударили по Александру. В лихие 90-е годы в каждом из 5 центральных издательствах готовился к выпуску его сборник рассказов и повестей. Их судьба оказалась плачевной: в новой ситуации не нашлось денег. «Деревенская» проза с ее детской темой

как-то полностью лишилась читающей аудитории и всяческого интереса. В пугающем вакууме обесценивания престижных святынь Саша Титов даже решил на кустарное производство своих книг, печатая страницы на принтере и переплетая их вручную. Ни о каком тираже речи не шло, только единичные экземпляры.

— Это для моих внуков, если им будет интересно, — с горечью произнес лауреат многих российских и международных литературных премий, соавтор фильмов, о котором в престижных толстых журналах помещали положительные рецензии самые известные критики.

П. Басинский из «Нового мира», например, считал, что Титов «пишет без нажима, без пафоса, зато стилистически жестко. Читая его, невольно поражаешься: какое же точное художественное перо у него... как прочно схвачены индивидуальные жесты героев, их мимика, бытовые краски». Знакомиться с такой прозой, по мнению мэтра, не стыдно и после Замятина с Буниным.

Намеренно не стану перечислять все достижения липецкого прозаика, они есть в интернете, только замечу, что он хорошо использовал различные ресурсы в сети, успешно сотрудничал с редакциями толстых журналов. Они, конечно, претерпели немало изменений, но и по сию пору остаются островками литературы высшей пробы. Называю их навскидку, так как тоже оббивал пороги некоторых солидных изданий (конечно, не так успешно) — все тот же «Новый мир», «Дружба народов», «Аврора», «Север», «Волга», «Урал», «Подъем», «Петровский мост», «Молодая гвардия» и т.д. Особняком стоят статьи в «Литературной газете» и «Литературной России», и не случайно. В них обозначился талант автора как блестящего знатока литературы, глубоко чувствующего аромат русского слова, настроение народа. Александр по своему потенциалу вполне мог бы руководить отделом прозы любого, даже самого уважаемого центрального издания. Но природная скромность, смутное

время перемен не дали полностью реализоваться таланту критика, отчасти и прозаика.

— В моем архиве находится 4 романа, — как-то сообщил липецкий прозаик в первых пробах нашего интенсивного эпистолярного обмена, начавшегося в 2013 году. — Издать их я не смог, два их них разбил на повести, которые удалось напечатать в журналах.

Один из этих романов — о жизни районных журналистов — Александр скинул на мой электронный почтовый адрес. Называется он «Отдохновенные истории».

— Будешь моим первым читателем, — написал он в письме, датированном 10 апреля 2014 года.

С первых страниц произведение захватило внимание, буквально за два дня я осилил довольно объемный текст, получил от повествования большое удовольствие — от легкости и колорита русского языка, комизма многих случаев, в которые попадали краснинские журналисты. Изображенные с небольшой долей иронии, герои пера Титова выглядели то непризнанными гениями, то неудачниками, погубленными алкоголем. Тончайший юмор не давал повествованию даже на серьезных сюжетных поворотах опускаться до банальностей и клише. Автор с помощью разных литературных приемов, которыми владел виртуозно, все же высоко держал планку качественной прозы. Этот его мастерский стиль присутствует и в известных книгах «Ангелок», «Живем, господи!..», подаренными с авторской подписью на очной встрече. А всего на счету писателя издано 7 сборников, и, наверное, столько же текстов осталось покоиться в личном архиве. Мало нашлось в райцентре и в областном процветающем городе Липецке людей и организаций, которые достойно бы оценили несомненный талант певца земли черноземной, помогли издать его самобытные рассказы, повести и романы. Вечная российская напасть — что имеем, не жалеем...

Мне же очень повезло, что в последние годы судьба подарила роскошь че-

ловеческого общения (по Экзюпери) с прекрасным русским человеком, земляком, маститым писателем, литературным энциклопедистом. Александр, по сути, дал мне путевку в литературу, подтолкнул к выпуску своей книги, помог правильно оценить писательский потенциал. И ни разу даже намеком не обозначил свое превосходство. Аргументы же использовал очень убедительные.

Привожу фрагмент письма именитого краснинца в послании за 2 июня 2017 года, когда он рецензировал очередную прозаическую вещь для уже второй моей книги. «Нахожусь под впечатлением твоего рассказа “Тайдар”. Ну и фигуру ты типичную запечатлел, вроде чеховского Ионыча! И еще что-то гоголевское есть в этом рассказе — ирония и лирика. В прежних произведениях ты лишь слегка подтрунивал над своими персонажами, а в этом ирония приобретает социальный оттенок. Рассказ, на мой взгляд, хорошо отражает современную личность...»

Уже позже от других литераторов случайно узнал, что Титов — почитатель Гоголя и знаток его творчества, принимавший участие в конференциях, автор статей о нем и предисловий в книгах-исследованиях писателей и филологов. И если он проводит параллель с героями «Мертвых душ», то знает, что делает. Кстати, ни одна юбилейная дата Андрея Платонова (также его любимого автора) в последние десятилетия не обходилась без статьи или эссе липецкого прозаика в одном из российских «толстяков», но чаще это происходило в уважаемом воронежском «Подъеме».

В нашей переписке почти всегда присутствовала тема тщательной работы над словом. В целом я застал период, когда новые тексты у него не рождались, а приходилось иметь дело с написанным прежде.

«Просматриваю подшивки районных газет, “паноптикум теней...”, как писал когда-то Тютчев, — читаю в письме, датированном апрелем 2014 года. — Делаю выписки, возможно, будет книга. Иногда работаю толстовским мето-

дом, по принципу “если можешь, не пиши”. Следуя методу Льва Николаевича, урывками читаю черновики, их накопилось 600 страниц, набранных на компьютере. Это наброски, которые надо наполнить живой литературной плотью. Что и делаю».

По истечении 3–4 лет я понял, что многого доработать не удалось. Во-первых, дела хозяйственные по дому и саду не всегда помогают в творчестве, но то была не главная причина остановки творческого процесса. Пришли болезни, в том числе сердечные, замескали больницы, врачи. Наиболее энергичные советовали сделать операцию на сердце. Пациент им попался несговорчивый и ответил отказом. Дело усугубляли и другие хвори и беды, а мужчины ой как не любят лечиться. Мой земляк не исключение. Он использовал в своем арсенале народные средства, менял режимы дня, пищу. Кардинально поправить здоровье не удавалось. Поэтому Саша честно признался в марте 2017 года, что силы уже не те, мысли текут вразброс, все чаще себя проявляет усталость. Жена Надежда, прекрасный человек и опытный медик (ей писатель посвятил немало страниц прозы и даже целую книгу), тоже искала пути выхода из трудного положения, но себя, как известно, не переделаешь. Да еще за плечами громадный стаж сельской жизни с ее привычками к инерции и виночерпию. Хотя однозначно обо всем этом говорить не приходится. Василий Шукшин, с книгами которого вполне можно сравнить произведения Александра Титова, наоборот мечтал закончить перемещения по стране и поселиться у себя на Алтае. Не получилось. А у М. Шолохова в Вешенской все произошло как надо.

Наше сотрудничество в сетях продолжалось без перерывов вплоть до апреля 2019 года, когда Саши не стало (всего год не дожил он до 70-летия). Жаловался очень редко, живо интересовался прозаическими новинками, путешествиями, настроением. Со своей стороны я хотел узнать у мэтра, как он соби-

рается отметить юбилей, хотя догадывался, что данная тема ему не важна. И точно, ответ оказался предсказуемым.

— Не люблю оказываться в центре событий, а в смысле работы готовлю к изданию коллективный сборник, посвященный юбилею Победы, — отреагировали краснинский адресат.

Разговор у нас чаще проходил в творческом русле. Узнав про мою связь с журналом «Аврора», маститый прозаик вспомнил свои публикации в популярном издании, общение с питерскими авторами, поделился впечатлениями об истории города на Неве. Однажды Александр написал и напечатал эссе о блокадном Ленинграде, даже не посетив город Петра. Читатели и пресса заметили титовскую прозу высокого накала и трагического звучания, а блокадники сразу заявили, что строки написаны человеком, который сам все пережил. Сердце писателя, что камертон, уловило трагизм героической эпопеи, талант точно выстроил сюжет и сделал вымысел правдой.

Что касается моей чукотской тематики, товарищ детства был однозначен: рассказы о Севере — самые удачные, интересные не только экзотикой, но и характерами героев, коллизиями. Он даже назвал ряд авторов, близких по стилю или теме, и первый среди них — Олег Кузаев. Я не стал оспаривать столь лестное сравнение с автором «Территории», даже в мыслях не мог поставить себя рядом с Олегом, кстати, кумиром с детства. Увлечение им, видимо, оказало влияние на собственную прозу, не чуждую романтики.

...Последняя встреча с Сашей произошла, увы, на погосте, утопающем в зелени деревьев, среди которых преобладали березы. Их писатель земли Липецкой очень любил, красочно описывал. Литератор тонко чувствовал природу родного Черноземного края, одухотворял ее, наделял определенной силой. Как сделали давние предки, подарив чарующему месту изумительное название. И над всей этой садово-парковой красотой высоко в небе парит охраня-

тельное чудо Красного — ангелок местного храма Владимирской иконы Божией Матери. Сам храм перенес варварское перевоплощение в советский клуб с крушением крестов и куполов, а также радость возрождения. И возвращение на круги своя, на мой взгляд, прошло не без участия Александра, написавшего самую лучшую повесть «Ангелок», получившую экранное олицетворение, признание публики и жюри многих конкурсов.

Только за это прозаик достоин вечной памяти краснинцев, а также жителей соседних городов Ельца и Лебедяни, родины великих И.А. Бунина и Е.И. Замятина, чье дело развития российской словесности продолжил наш талантливый

современник. В его замечательных книгах, как в магическом кристалле, отражен весь спектр местного бытия и российских реалий. Убежден, что память об А.М. Титове должна быть увековечена в памятнике. Он бы гармонично и закономерно выглядел в своеобразной сельской Венеции с каскадом прудов, фонтанов, набережной и даже с огромным макетом парусника с красными парусами (цвета названия села). Ведь писатель так много сделал, чтобы небольшой райцентр в Липецкой области, его замечательных людей узнали многие россияне в городах и весях огромной страны.

Юрий ПРЫГОВ

ТРЕТЬЕ ОКНО

На окраине деревни Тужиловка есть домик с двумя окошками, упрятанный среди кустарников и бурьяна. В палисаднике разлапистые задичалые кусты сирени навалились на изгородь толстыми изогнутыми стволами и едва не валят ее. Не поймешь, где забор, а где кустарник. Ранним утром, когда за холмом среди туч пробивается первый свет, из домика выходит дед Аким и смотрит, нельзя ли где навести порядок. Но лишь вздыхает — ни для чего уже сил не хватает.

Вскоре появляется бабка Солоха с ведром месива в руке, кормит поросенка, о чем-то разговаривает с ним.

К восьми часам все дела по хозяйству справлены. Раскрасневшийся, помолодевший Аким входит в хату. На щеках его задрно, как иней, поблескивает щетина.

В комнате вкусный запах — старуха варит щи с салом. Эти щи пойдут и на завтрак, и на обед, и на ужин. В небольшом чугушке еда на весь день. С боку плиты пристроился пузатый, закопченный, только что вскипевший чайник.

В ожидании завтрака Аким присаживается у окна, достает очки, разворачивает вчерашнюю недочитанную газету.

— Что за дьявол — вижу совсем плохо! — бормочет он, включает электрическую лампочку, желтовато вспыхивающую посреди хаты. Подходит с газетой к лампе — то же самое, строчки расплываются, ничего не разобрать.

— Неужто и эти очки слабые стали? — удивленно восклицает Аким. — Слышь, Солоха! Стекла для очков еще толще требуются...

— Что же делать? — сокрушается старуха. — Ведь за ними ехать надо — примеривать да покупать. Опять хлопоты... Неужто совсем ничего не видишь? Хоть бы программу прочитал. Нам бы только узнать, что нынче по телевизору покажут.

Аким огорченно кивает головой, соглашается. Он выдвигает ящик стола, в котором разные шурупчики, болтики, гаечки, куски провода, несколько потрепанных книг.

Среди них руководство по эксплуатации трактора ДТ-54, еще 50-х годов прошлого века, когда он только начинал работать в колхозе трактористом, сказки Андерсена и церковная книжонка «Акафист» без начала и без конца, которую иногда читает полуграмотная Солоха.

Пошевелив рукой позвякивающий хлам, Аким находит большую тусклую линзу без оправы. Обхватив ее толстыми, плохо гнущимися пальцами, вновь подходит к газете, водит линзой над строчками.

— «Ули-ца раз-битых фонарей», — вычитывает он. — Семерка и два нуля. Стало быть, в семь часов.

Солоха глядит на мужа с нескрываемым уважением — все ж таки он умный! Без него она бы не разобралась в программе.

Старуха берет потертый пульт управления, осторожно тычет в него коротким пухлым пальцем, телевизор тотчас включается. Солоха облегченно переводит дух, будто не телик включила, а выполнила сложную операцию.

Телевизор хороший — сын из города привез — цветной, почти как новый, девять программ показывает, смотри — не хочу!

— А новости-то вчерашние... — вздыхает она, не отрывая глаз от пока еще холодного экрана. — Опять нефть у них да газ — один разговор. Хорошо хоть мы тут дровами топимся, да углем.

— Кто же приготовит новости новые в такую рань? — ворчит Аким. — Вся земля только просыпается. Еще никаких делов не произошло.

— За ночь-то? Так уж ничего и не произошло? — испуганно всматривается в экран Солоха. — Небось одних преступлений мильен.

— Оно верно, дык пленку только везут из-за гор-морей.

— Таперича никто пленку не возит — по эхвиру передается картинка! — восклицает Солоха, гордая тем, что знает про телевизионные новости больше мужа.

— А ты откель знаешь? — ворчит Аким.

— Мужик ихняй учорась говорил, что по эхвиру...

Аким внимательно смотрит на Солоху. Вроде бы глупая бабка, а сообразила лучше его. Он обиженно кашляет в кулак, недовольный, что так оплошал.

— Все равно вчерашнюю программу посмотреть неинтересно, — вздыхает он.

— Отчего же? Мы с тобой позавчерашние щи, и те не выбрасываем.

В программе новостей показывают заводы, стройки, диковинные машины, ползающие по болоту, врачей-хирургов, делающих операцию на сердце, далекую войну, на первом канале подбирают платье толстой женщине, в другой передаче учат домохозяев готовить заграничные блюда... За полчаса старики видят множество людей, и все эти люди что-то делают на свете.

— Велика земля! — восклицает Солоха, не отрывая глаз от экрана. В голубоватом свете, падающем от телевизора, лицо ее кажется еще бледнее, еще морщинистее. Перед ней тарелка с кашей, но Солоха забыла про еду, ложка свалилась на пол, там ее облизывает кошка. — Какие люди есть на свете — черные, прямо угольные!

— Они в тепле живут, на солнышке пекутся, — поясняет Аким. — От того загорелые такие сделались.

— Господи! — крестится Солоха. — Как же они такую жару вытерпеливают? Неужто у них дождика нету?

— Дождь бывает, только теплый. Подставишь руку, а он вроде чаю подогретого... Помнишь, на прошлой неделе про Африку новости были? Там тепло, поэтому войны там круглый год идут. Сначала в Ливии, теперь в Сирии...

— Далече, знать, эта Африка.

— Отсюда не видать.

— Аким, глянь-ка, — старуха снова тычет пальцем в экран. — Дубинками дерутся... Ай, ай! Лупят-то как, со всей силой... И девку бьют, за ноги тащат. Матьер божья, девку-то за что?.. Какие же там, за границей, жестокие драчуны, Акимушка, почему их в милицию не забирают?

— Это капиталисты. А милиции у них нет — одна только полиция. По приказу капиталистов трудовой народ мучают. У них такой закон: ежели не по-ихнему, не по-буржуазному, так вот тебе, получай дубинкой по голове! Могут дымовой гранатой шарахнуть. Нет мира во все мире, прощай, несчастная наша советская власть!..

— Скорей бы она возвращалась, справедливость-то, батюшки-светы. Наш колхоз, глядишь бы, восстановили. Людям работу бы дали, а то вон деревня пустая, остались несколько домов, да и в тех живут старики, вроде нас...

На экране диктор передает сводку погоды.

— Во, слышишь? — Аким довольно потирает руки. — Опять они в прогнозе маху дали. Передают слабые дожди, а у нас уже месяц ни капли...

— Откудова они там знают! — застывает за прогнозистов Солоха. — Нешто им видно откудова, где погода правильная, а где неправильная? Нынче сухо, а завтра, бог даст, разождится...

— Все равно они должны точно говорить, — сердится Аким. — Нельзя через телевизор врать. Его весь народ смотрит!

Следующая по программе детская передача. Старики смотрят примитивные цветные рисунки, вспоминают своих внуков, которые живут в разных городах и которых привозят в деревню только летом.

Затем документальный фильм про сельских умельцев-плотников, которые украшают наличники и карнизы домов затейливыми деревянными узорами.

— Экий нарядный домик! Вот бы нам такой... — Глаза Солохи мечтательно блестят, и тут же в них появляется тоска — никогда теперь не придется жить старикам в таком большом красивом доме.

Особенно любят старики передачи про суд, когда в конце суда невинного человека обязательно оправдывают.

— Хорошие стали суды, справедливые! — вздыхает Аким. Он сам еще в советские времена едва не угодил в тюрьму за мешок украденного из колхоза зерна, хорошо, что председатель сжалился, простил Акима.

Старики не пропускают ни одной «судебной» передачи. В сегодняшней передаче подсудимый, молодой скромный человек, оказывается, не виноват, его освобождают из-под стражи прямо в зале суда! Аким взволнованно рассказывает взад-вперед по комнате: есть еще, товарищи, на свете справедливость!..

Не успевает судья стукнуть по столу своим деревянным молотком, как вдруг за окном раздался могучий хлопок. Качнулся пол, с потолка из щелей посыпались труха и мышинный помет.

— Что такое? — Аким торопливо подошел к окну, отдернул занавеску. Он увидел, как за ближним бугром, километрах в пяти от деревни, в небо взметнулся столб пламени в виде огромного гриба. Сначала гриб имел сизо-зеленый оттенок, в следующую минуту сам гриб тоже как бы взорвался, окрасившись сначала изнутри, а затем и снаружи ярким оранжевым пламенем, переходящим в белый блеск, слепящий глаза. Над бугром мгновенно вздулся огромный огненный шар. Раздался второй воздушный удар, от которого закачался дом, затрещали бревна в стенах, с крыши посыпались кусочки гнилого шифера.

— Что это? Неужто война? — выдавила из себя Солоха. Она стояла ни жива ни мертва, прижав ладони к груди.

— Нет, не война, газопровод взорвался... — объяснил побледневший Аким. — Труба, наверное, лопнула, как три года назад, помнишь?.. Трубы газовые давно проложены, давление в них сильное, международное! Чуть проржавеет стенка трубы или трещина в ней образуется — вот и результат...

Солоха кивнула, перекрестилась. Она собралась убежать, в руках ее узелок с документами, «похоронными» деньгами и одеждой, приготовленной на «смертный» день.

Аким продолжал смотреть в окно: пламя над бугром трепетало и металось до самого неба, огненный поток ревел — догорал газ, выходящий под давлением из трубы.

По улице бежал сосед Пантелей, волоча за собой тележку, набитую пожитками — маленький шустрый старичок в шароварах и домашних тапках на босу ногу, на голове мятый картуз. Пантелей спасался от «атомной войны».

Через час пламя утихает, гаснет само собой. Над деревней опять тишина.

После обеда старики принимают таблетки от давления, лечат больные колени жужжащей машинкой, которую на днях купили у бродячего торговца за две тысячи рублей. От этой машинки боль в суставах вроде бы затихает.

К вечеру неожиданно надвигается туча, начинается сильный ветер с дождем, который с пулеметной скоростью лупит по крыше — телевизионный прогноз сбывается! Над деревней вспыхивает молния, рвется линия электропередачи. Света нет, опять весь вечер и ночь придется коротать без телевизора.

— Перетерпим, не в первый раз! — Аким гремит спичками, чиркает, зажигает керосиновую лампу. В комнате делается уютно. Пахнет керосином и какой-то грустной старинной жизнью.

Разговор переходит на деловой лад, старики удовлетворенно рассуждают о том, что всего у них в хозяйстве достаточно: и масла подсолнечного припасли, и мука тоже есть, зерно для кур купили у проезжих мужиков, хлеб и молоко автолавка регулярно привозит...

Покачиваясь от слабости, Аким идет в сени, приносит охапку дров. Надо заглаживать печку, в хате после дождя становится прохладно.

Аким, разжигая печку, потирает озябшие ладони, смотрит на желтые огоньки, слушает треск разгорающихся поленьев, нюхает покрасневшим носом дровяной дым.

Бабка Солоха горюет, что муку и зерно в кладовке помаленьку съедают крысы. Живет в доме кошка Муська, кормят ее нарочито скудно, чтобы ловила мышей, однако грызунов с каждым годом становится все больше.

У каждого старика своя кровать и своя перина, в которой утопаешь, словно в теплой ласковой воде.

Тощая Муська, свернувшись калачиком, спит на мешковине, постеленной на лавке. Спустя некоторое время старики тоже засыпают в уютной, пахнущей березовыми дровами комнате.

ЧАСЫ С КУКУШКОЙ

Виктор смотрел в окно, точно не мог наглядеться на кусты сирени, на угол покосившегося сарая, на одряхлевшие яблони, которые дотягивались листвой до окна и при слабом ветре шуршали по стеклу, оставляя на нем пыльные бороздки.

В комнате было тихо. Часы-ходики стояли. Вот уже с неделю как поломались, тусклый маятник pokrивился на сторону.

— Сколько сейчас времени? — Виктор машинально, по привычке приподнял левый рукав пиджака, но часов на руке не было; он вспомнил, что продал их по дешевке в далеком уральском городе, потому что не хватало денег на билет.

— Остановились часики, — отозвался старик. — Тикали-тикали, и капут им пришел. Жалко!

— Я тебе новые пришлю, электронные, — сказал Виктор, не отрывая взора от крапивы в палисаднике. — Это тебе не какие-нибудь ходики с кукушкой. Вставишь батарейку — и целый год будут шпарить без всякого завода.

— Я и без часов привык. — Старик равнодушно махнул рукой. — По поездам время определяю. Утром, в девять, елецкий идет, вечером, в шесть, — московский. Елецкий точно ходит, больше чем на полчаса не опаздывает. Ну, а московский и час, и полтора может прихватить. Ему не прикажешь — столица!.. О, слышь, загудел? Елецкий... Значит, сейчас девять часов или около того. С часами, конечно, веселее было. Знай себе тикают. Ночью проснусь, слышу — стучат. Значит, и я пока живой... Перед тем как сломаться, попискивать стали, потрескивать. Хрипело что-то в ихнем нутре, железное сердечко постанывало. Ковырнул я колесико шилом — оно и хрястнуло... Без часов тихо, скучно, как при покойнике. Проснешься ночью и не знаешь — то ли живой, то ли уже в могиле. Тоска!..

— Естественное человеческое состояние, — наставительно произнес Виктор. — Человек — существо одинокое! Это еще из древней философии известно. Гиппократ, кажется, сказал или Петрарка.

— Где же ты философию изучал? — поинтересовался отец, улыбнулся. — Ты, помнится, восьмилетку с грехом пополам закончил.

— Я жизненные университеты прошел. Книжки кое-какие на досуге почитывал. Помню, в одной из них был вопрос: «Что такое человек — чаштица природы или бессмертная душа?» — Плохо выбритое, тронутое морщинами лицо Виктора излучало самодовольство: дескать, и мы не лыком шиты, тоже кое-что знаем... — Ну, батя, отвечай. Что же такое человек?

— Человек он и есть человек, ежели, конечно, он не скотина. — Старик протянул руку, взял графинчик с водкой, наполнил стаканы. На стекло попал солнечный луч, по комнате заиграли блики, яркими пятнами забегали по лицу старика. В маленькой комнате стало светлее, праздничнее. Утренние сумерки окончательно растаяли; виден был замызганный шкафчик для посуды, рукомойник, стоящий неподалеку от двери. В се-

редине комнаты размещалась большая печь, занавешенная на лето куском пестрой материи. Над единственной, кое-как убранной кроватью висели в большой раме под стеклом многочисленные фотографии.

— Давай, сынок, еще по одной...

Они выпили, подошли к фотографиям. Филипп Иванович начал объяснять, где кто отснят, точно Виктор сам не знал.

— Вот ты, Витек, совсем кроха, на руках у матери, у покойницы. Маленький, прямо сверточек, одна мордашка торчит... А вот опять ты, на бревне с ребятишками сидишь. Помнишь, как звали ребят? Ну, то-то... Венька Голышев уже помер... Остальные, вроде тебя, разъехались по разным краям, работают где-то, ни слуху про них, ни духу... А на этой карточке ты вышел очень похожий. От горшка два вершка, а глаза разбойничьи, цыганистые! Так бы он вскочил, так бы и побежал из дома родительского...

Старик улыбнулся, погрозил на фотографию пальцем, словно забыл, что рядом стоит тот же самый, только взрослый, Виктор.

— А на этой карточке ты уже сурьезный. На боку сумка матерчатая — из школы пришел. Лицо усталое, лобик наморщенный. И не удивительно: до школы семь километров. Протопай-ка туда-сюда... А на этой карточке совсем большой. В ту пору, кажется, на тракторе подрабатывал.

— Помню, — кивнул головой Виктор, — областной фотограф снимал. Для газеты. Я в то время ударником был, меня часто фотографировали.

— Почему же не стал на тракторе работать?

— Не стал, и все тут. Ребята, годки мои, уехали, ну и я тоже, глядя на них, в город подался. И не жалею. Поездил по белу свету, повидал много всего.

— Каждый из нас видел кое-что на этом свете. Что же тут удивительного? Тебе, сынок, и годков порядочно. Тридцать восемь лет — серьезный возраст для мужчины. За это время много делов можно наворочать. А ты семью оставил, сын у тебя, внук мой, Генка... Как они там — ни слухов, ни весточки...

— Генке уже шестнадцать, школу заканчивает. Галя, жена, давно замуж вышла... — Лицо Виктора как-то сморщилось, словно он собирался заплакать. Тем не менее, он обернулся и снисходительно посмотрел на отца, положил ему на плечо руку. — А ведь ты старый, отец. Совсем старик. — Большая рука Виктора дрогнула, опустилась. — Извини, сколько годков тебе стукнуло? Пожалуй, уже за семьдесят?

— Эх, Витя, Витя, — укоризненно покачал головой. Филипп Иванович, — даже года мои забыл.

— Прости, отец, но, честное слово, запамятовал. Помню, что тебе больше семидесяти, а дальше память заклинило.

— Так вот, знай: семьдесят восемь лет в прошлом месяце стукнуло.

— Ого! Дата юбилейная! — Виктор оживился, потер ладони, начал кругами ходить вокруг стола, поглядывая на графинчик. — Был бы ты, отец, академиком или другой важной персоной, тебя бы с днем рождения через газеты поздравили, цветы бы прислали на дом.

— Цветы? Зачем они мне, старому?

— Так полагается.

— На кой дьявол эти цветы нужны?

— Не понимаешь, отец... Это как знак уважения, символ красоты, вечной молодости!.. А еще бы торт приволокли здоровенный, размером с этот стол.

— Неужто такой большой?! Рехнуться надо, чтобы такой выпекать. Кто же будет есть его? Засохнет, заплесневет, придется поросенку отдавать. А хотя... Постой! Ежели пригласить всех деревенских ребятишек да чаю побольше наготовить, глядишь, пирог и разоидется.

— Торт делают не для того, чтобы деревенская орава набивала себе животы, а для того, чтобы в него можно было воткнуть семьдесят восемь свечек.

— Свечки? Это еще к чему? День рождения — это не церковный праздник, и нечего пихать в торт парафин, если решили дарить пирог, так будьте добры, выпекайте его, как положено, без всяких фокусов. Кто будет есть этот пирог, ежели он воском закапанный?

— Темный ты, батя, человек, но, хотя ты не академик и не министр, я все равно люблю тебя больше всех! — Он заглянул в выцветшие отцовские глаза, вздохнул и вновь принялся расхаживать взад-вперед по комнате. Виктору было тесно в маленькой хате — он поглядывал то в окно, затемненное кустарниками, то на дверь.

— Ты в отпуск или как? — спросил отец.

— Сейчас я пока нигде не работаю, кризис, но большую деньгу, в принципе, везде заколотить можно. Я тебя об одном деле хотел спросить...

— Кризис... Неужто сейчас никаких работ нету? — удивился Филипп Иванович. — Я думаю, рабочие везде требуются, только назовись... Или, может, у тебя специальности нету?

— У меня? Специальности?! — Перестав расхаживать, Виктор изумленно обернулся, затем оглядел себя, точно желая удостовериться, на месте ли у него руки и ноги. — Специальности... Да у меня их тысяча: я и электрик, и бульдозерист, и слесарь, и монтажник, и компрессорщик, и бетонщик, и сантехник... Я все могу! Нет такого дела, с которым я не мог бы справиться. Я — рабочий! Я нужен! Везде меня ждут, везде встречают с распростертыми объятиями. По всей стране меня ожидают прокатные станы, заводы, стройки, автопарки. У меня права шофера второго класса! При всем этом я вольный, как птица. Куда хочу, туда и еду, где хочу, там и работаю. Испытывал ли ты, отец, когда-нибудь радость такой полной свободы?

Филипп Иванович равнодушно пожал плечами.

— Великая вещь — воля! — продолжал Виктор. — Приходилось ли тебе летней ночью ехать на крыше товарного поезда? Когда стоишь на самом верху и, раскинув руки точно крылья, мчишься сквозь ночную тьму! Колеса стучат, вагон дрожит, качается; вот въезжаем на железный мост, перекинутый через глубокую пропасть, и колеса грохочут над таинственным речным пространством: гух-та-та, гух-та-та-т! Все стальное, мощное, звенит! И жизнь тоже кажется звонкой, радостной и огромной, как вся эта летняя ночь!.. Еду на какую-нибудь стройку по объявлению и новым человеком себя чувствую. Будто освобождаться от всех старых грехов и становлюсь каким-то... ну, как бы это выразиться, гордым, что ли... И хочется прожить свой век в полете, в мечте! Без всяких там баб, сплетен, вытрезвителей... Вот наймусь к какому-нибудь миллионеру строить особняк, глядишь, и на автомобиль заработаю... Уф! Даже в горле пересохло от волнения. Кваску дай, отец!

— Нет кваса, только молоко... Скажи, Витя, какое дело тебе больше всего по душе? Чем нравится заниматься? Какую специальность одобряешь больше других?

— Никакую. Все осточертели.

— Зря. Одно дело нужно выбирать. Чтобы не в тягость было. Да не мотаться по разным краям, а прибиваться к месту. Оставайся здесь, в деревне! А? Колхоза нет, но хозяин объявился, инквестор какой-то, мужикам-трактористам хорошие зарплаты назначил...

Виктор глядел в пол, узнавая на досках трещины и сучки, знакомые с детства.

— Знаешь, отец, я недавно подрался с одним подонком. В кафе дело было: лысый юноша хлебом вилку протирал... Да! Взял кусок и трет, трет вилку, очищает ее от пыли. Он трет, а я смотрю! Он мусолит хлебом об вилку, а я гляжу на это дело, и в груди у меня все закипает. Ну, если бы он быстро протер, может, и обошлось... А он вилку вытер, за ложку принялся. Зашумело у меня в голове от такой подлости. Не мог я, бывший деревенский житель, стерпеть издевательства над хлебом. Здорово меня это заело, подхожу к нему... Крутой он или просто наголо стриженный, дьявол его знает... Подхожу, беру тарелку с картофельным пюре и — бац ему в рыло! Так и влепил! Лысый-то со стула брыкнулся. Тут, разумеется, шум, гам. Меня скрутили — хулиган! В милицию потащили, пять суток дали. Улицу подметал.

— Мало, — сказал Филипп Иванович, — надо бы все пятнадцать.

— Я же за хлеб заступился! — растерянно пробормотал Виктор, ожидавший, что отец одобрит его поступок. — Мне за это спасибо сказал один человек.

— Кто?

— Сержант милиции. Он говорит: «Я бы тебя совсем отпустил, да свидетелей много, а власти мало». Морщинистый такой сержант, добрый, раза два мне в камеру передачки носил. «Я, — говорит, — душой хлебороб, в город попал по случайности, и жизнь как-то мимоходом прошла-проехала». Мечтает после выхода на пенсию в деревне поселиться. Чудак!

— Отчего же? Хорошему человеку везде рады.

— Отец, ты мне вот что скажи: всю жизнь ты на ферме, летом в пастухах. Доволен ли ты такой жизнью? Ведь за все эти годы ты не видел ничего нового, никаких богатств не накопил, дальше Ельца нигде не был.

— Почему? — Старик начал волноваться и сердиться. — Я в Москву ездил с колхозной делегацией, Кремль видел, Ленина в Мавзолее, на ВДНХ побывал...

— Подумаешь, ВДНХ, я в Польше был и в Прибалтике, когда «челноком» работал... Я, батя, всю страну исколесил, сотни профессий сменил. Четырежды женат был!.. А сколько я всего знаю! Столько повидал всего — если рассказать, ни в одну энциклопедию не влезет.

— Что ж, сынок, я тебе не судья. Ты давно уже взрослый, сам за себя отвечаешь, у тебя виски уже белые... Тоже помаленьку стареешь, а про меня и говорить нечего — совсем старый стал. Но была бы сила в руках, выпорол бы! Зажал бы меж колен и выдрал!

Виктор засмеялся, укоризненно покачал головой:

— Ну, батя... Ты никогда не дрался.

Филипп Иванович подошел к окну, поглядел на обветшалый забор, на застарелые, сохнувшие кусты смородины.

— Оставайся, Витя, дома жить. Скучно мне одному.

— Отвык я от деревенской жизни, — ответил серьезно Виктор, потрогал рукой низкий провисший потолок. — Предложи мне сейчас копать землю или пасти корову — откажусь! Ни за какие деньги не соглашусь. А прикажи развалить стену, согнуть рельсу в бараний рог, построить дво-

рец для олигарха — вот это по мне, потому что я — рабочий, специалист... Душно у тебя в хате, отворил бы окно.

— Не открывается, рама присохла.

В окно виднелась светлая, переливающаяся на солнце полоска. Маленькая речка Семенек. Виктор, увидев ее, почувствовал неодолимое желание побежать к воде, как в детстве, на ходу раздеваясь, прыгнуть в воду прямо с крутого берега.

— Глянь, отец, — речка!

— Ну и что? Течет себе, что ей сделается.

— Любил я когда-то здесь плавать, плескаться. Плавал по-собачьи, вот так... — Виктор засмеялся и, поджав руки к груди, стал быстро-быстро перебирать ими, глаза его прищурились, словно он и в самом деле плыл.

— В прошлом году я в Амуре купался. Ребята из нашей бригады смеялись, видя, как я по-детски плаваю.

— Сколько же дней погостить у меня думаешь?

— Не знаю... Я, вообще-то, по делу приехал. — Виктор нахмурился, взгляд его скользнул мимо реки, вдаль. — Видишь ли, я последние два месяца завскладом работал, и недостача у меня обнаружилась — пятьдесят тысяч, а заплатить нечем. Требуют погасить в срочном порядке. Хотел на новое место ехать, а меня не отпускают, судом грозят.

— Как же ты попал в завсклады? Ты всегда, был рабочим человеком.

— А заведовать складом, по-твоему, не работа? Там мебели — море! Но погорел не на шкафах и креслах, а на импортных дверных замках.

— Неужто украли?

— Нет, если бы воры... Тогда бы на них все и списали. До сих пор не могу понять, куда подевались пять ящиков с замками. По ведомости числится пятьсот замков, а фактически их нет, словно испарились.

— Зачем полез не в свое дело? — Филипп Иванович в упор глядел на сына. — Ты в арифметике, помнится, всегда туповат был. Эх, пустая голова! Что делать-то думаешь?

— Что делать... Не вешаться же из-за этих проклятых замков! Приехал вот к тебе... — Виктор шагнул к столу, потянулся к графинчику.

— Нет, хватит пить. — Старик шустро забежал вперед, схватил графин, отнес в шкаф. Прикрыв дверцы, задумчиво взялся за ручку самого нижнего ящика, робко приоткрыл его. — Есть у меня записка. Берегу на свои похороны. Как помру, придет сосед Василь Порфирыч, возьмет эти деньги и распорядится, как положено. Так у нас с ним договорено. Вот двадцать тысяч у меня тут...

Виктор обиженно взглянул на отца:

— А меня ты, наверное, и за родственника не считаешь? Почему какой-то Василь Порфирыч, а не твой единственный сын? Неужто я тебя не похороню?.. Слушай, отец, дай мне, пожалуйста, эти деньги, а я их тебе когда-нибудь верну.

— Откуда же ты их возьмешь, чтобы вернуть?

— Я?! — Виктор прижал ладонь к груди, изумленно огляделся по сторонам, как бы отыскивая свидетелей для подтверждения своих слов. — Да если я начну вкалывать, то... вообще!

— Велик ли твой заработок?

— О, господи, да я же сантехник! Захочу — и денег у меня будет как у дурака махорки. Не волнуйся, отец. Если вдруг помрешь, похороню, как положено, со всеми почестями. Я сказал, похороню, значит, похороню.

— Ладно, сынок, дам тебе денег. И с книжки завтра сыму все, что

есть, тыщ сорок пять тебе наберу... И тут, в шкапе, тыщ десяты собрал... Авось, в случае чего, и колхоз похоронит, хотя теперь он не колхоз называется, а какое-то ООО. Гроб плотники сделают — они на это горазды. Василь Порфирыч самогонки выгонит. Так и обойдемся.

— Выше, батя, голову. Жизнь дается человеку для полета, как сказал один композитор, а ты все о смерти думаешь.

Филипп Иванович взглянул в окно, всплеснул руками:

— Опять петухи дерутся! Надо разнять. — Он выбежал, и слышно было, как во дворе кудахчут куры, недовольные тем, что хозяин разогнал их кавалеров.

Была у Виктора мечта — заработать побольше денег и приехать домой на собственной иномарке. Даже во сне видел легковую машину яркого, непременно апельсинового цвета. И не сбылось — со станции два километра топал пешком. Хотел появиться разодетым в пух и прах, а заявился в поношенном свитере, купленном с рук в пивной. И когда приближался к родной деревне, шел не большаком, где все ходят, а пробирался к дому старыми полузабытыми тропинками.

В комнату вошел Филипп Иванович, вытер рукавом пот со лба.

«Ослабел старик, — подумал Виктор, — немного посетился и сразу устал».

Филипп Иванович подошел к шкафчику, выдвинул нижний ящик, достал пачку денег, перевязанную бечевкой.

— На... — сказал он, протягивая деньги сыну.

— Спасибо! — Виктор торопливо потянулся за свертком, зацепился за табурет, едва не упал. — Выручил ты меня, батя!.. Слушай, чем это пахнет, керосином, что ли?

— Да, — Филипп Иванович досадливо поморщился. — Побежал разнимать петухов, споткнулся о керосинку, будь она неладна.

— Сгоришь ты когда-нибудь с этой керосинкой. Газ в дом пора проводить.

— Да я теперь уже не доживу до газа... Похоронишь меня, дом продашь, я его на тебя подписал...

— Ладно, отец, не горюй. Все будет о-кэй!

Филипп Иванович задумчиво глядел на повеселевшего сына.

— Давай, Витя, я тебе рукав зашью, а то дырка в свитере.

— Неужто порвался? Вот те на! Недавно купил, а уже нитки из него лезут. — Виктор поддернул рукав свитера и убедился, что прореха существует. — Когда я работал на приисках, у меня было семь костюмов, красную икру ложками ел...

Отец достал катушку ниток, поржавевшую иголку:

— Вдень, сынок, нитку.

— Знаешь, батя, за что я тебя люблю? — Виктор положил пачку денег на стол, взволнованной, слегка подрагивающей рукой взял у отца иголку. — За то, что ты добрый, за то, что во всех делах настоящий труженик. Небось на Доске почета и твой портрет висит?

— Висел, а тетерича Доски почета у нас нет — капиталистические времена настали!

— А мое фото никогда на Досках почета не висело. И не потому, что я плохо вкальваю, а из-за того, что непостоянный работник. Между прочим, я вот что заметил: чем больше живет человек на свете, тем сильнее хочется ему почета и внимания. Уважения он требует. Хочется быть заслуженным, авторитетным! Да и медалька какая-нибудь не помешает...

Кстати, почему ты свои медали никогда не носишь? У тебя ведь много за труд в колхозе.

— В прежнее советское время, как бывало: человек скотину пасет, не пьет, и ему — бац — орден!

— Скотину пасти тоже не каждому доверяли, — помрачнел Филипп Иванович. — Бери свитер, готово.

Виктор надел свитер, и они с отцом вышли на улицу, потому что в комнате сидеть надоело, захотелось подышать свежим воздухом.

На улице было хорошо, но очень жарко. Лето набирало силу. Пахло молодой травой, смородиной, цветущей липой. Сели на лавочку под березой. Дерево было большое, с толстым стволом. Длинные ветки шелестели, убаюкивали.

— А береза-то старая стала! — сказал задумчиво Виктор, потрогал корявый ствол. — Верхние сучья засыхают... Это ведь моя береза?

— Твоя. Как ты родился, так я и посадил. Когда маленькая была, поливал. Один раз теленок ее затоптал, обгрыз, но ничего — поднялась, большая выросла.

— Неужто и эту березу спилят когда-нибудь на дрова? — Виктор с тоской глянул вверх, обнял ствол обеими руками.

— Зачем об этом думать, сынок? Эта береза будет жить еще долго.

Но Виктор размышлял уже о другом: куда можно будет податься после того, как он рассчитается с долгами.

Виктор везде нужен, он все умеет. Что ни говори, а есть у него отцовская жилочка. Если работать, так по совести. Много раз терял он трудовую книжку, а сам ехал на другую стройку или завод, и там ему выписывали новый документ... Месяц-другой поработает Виктор на одном, месте, и снова тянет его к переездам.

Ночью Виктор никак не мог заснуть, на кровати, то и дело выходил на улицу, сидел на лавочке, смотрел на звезды, вздыхал.

Думал о разном, но почему-то было горько от посещения родного дома.

Отец его в это время крепко спал на лавке, укрывшись овчинным тулупом, сохранившимся с давних пастушеских времен.

ФИЛИМОН

Темная весенняя ночь. Филимон шагает проселочной дорогой, стараясь не слишком отдаляться от деревни. Мартовский ветер прохладен, но с юга ползет теплый туман. Под ногами одинокого путника похрустывает ледок.

Филимон размышляет о том, почему его тянет гулять по ночам: «Моя должность заведующего клубом вовсе не оправдывает поздних прогулок. И возраст солидный — двадцать четыре года... Но хочется идти, вот так всю ночь, неизвестно куда. В селе меня считают чудачком и одновременно умным человеком. Люди здесь любопытные — хотят знать, что я за тип. Но это им не по зубам. Я — сложная противоречивая личность! В нежности своей становлюсь наивным. Но лучше, если бы никто не знал о том, что я шляюсь по ночам вокруг села. Станут приставать к Ольге — дескать, что же муженек твой недомоседливый такой? Она, конечно, ничего им объяснить не сумеет, потому что сама ничего не знает».

Ветер мягко гудит в лицо, храня в себе тепло новой, молодой весны. Свет ночных фонарей серебряной шапкой висит над деревней. Он не мо-

жет пробиться сквозь темноту и за околицей гаснет, бледным отблеском падает на шершавый снег.

— Я влюблен! — печально шепчет Филимон навстречу ветру. — Только и всего... И ничего не могу с этим поделать, ничего! Как ужасно!

Он заворачивает к деревне. На сегодня довольно — нагулялся, устали ноги. Возле крайних домов останавливается, смотрит в поле.

— До свидания! — говорит он. Филимону хочется представить, что в темном ветреном просторе идет сейчас светлокосая десятиклассница Елена, в которую он тайно влюблен. Но это лишь мечта, фантазия.

«Хорошо жить! — думает он, ощущая пересохшими губами силу ветра, его робкое тепло. — Этот таинственный мир, туча, плывущая с юга, звезды, проскальзывающие в беспокойном небе, — все это заслоняет меня от сплетников соседей, делает их ничтожными. Что плохого в том, иду ночным полем?»

Шагая по деревне, мысленно возвращается к обыденным делам. А забот у заведующего клубом много: репетиции, разваливающиеся кружки самодеятельности, обновление наглядной агитации, пьяница-истопник...

Филимон вдруг останавливается, судорожно шарит в карманах — не забыл ли он ключ от клуба, не оставил ли его в замочной скважине? А то, чего доброго, последний баян сопрут! Кроме того, сегодня у жены, Ольги, в сельмаге ревизия. Вдруг недостача? Лишние неприятности... зачем они Филимону?

Два года минуло с тех пор, как он женился на продавщице местного магазина Ольге. Деревенские кумушки отговаривали его! Про Ольгу они ничего плохого сказать не могли, но ведь была же она замужем за приезжим шофером, который сбежал, оставив ей трехлетнего сына Толюшку. Однако в то время Филимон все чаще заходил в магазин, стоял, опершись о прилавок, или играл с Толюшкой, которого Ольга брала с собой, когда не с кем было его оставить.

Они еще не подавали в сельсовет заявление насчет женитьбы, а Толюшка уже звал Филимона папой. Любит он его. Стоит Филимону войти в дом, и Толюшка с радостным возгласом просит взять его на руки. Филимон, желая позабавить приемного сынишку, строит забавные рожицы, подражая Юрию Никулину.

Ольга гордо и радостно смотрит на них.

— Вот какой у нас папка! — восклицает молодая женщина. — Настоящий артист!

— Сколько раз тебя просить — не называй меня, пожалуйста, «артистом», — морщится Филимон. — Сын подрастет и будет на всю деревню кричать: «Мой папка артист! артист!..»

— Больше не буду, — обещает Ольга. — Но когда ты выступаешь на сцене, получается очень здорово. В деревне все говорят, что ты настоящий артист.

— Хе! — снисходительно улыбается Филимон, зря что ли культпросветучилище закончил? Туда ведь кого попало не беру!

И все равно Филимон не любил это слово, помнил, как однажды в юности поступал работать на завод. Начальник отдела кадров спросил Филимона, что тот умеет делать.

— Я вообще-то артист! — гордо ответил Филимон, который уже тогда успешно выступал на любительской сцене. — Но...

— Артистов здесь своих хватает! — перебил его начальник отдела кадров. — Нам слесари нужны и сварщики...

В незнакомой деревне Тужилровке, куда Филимона отправили завести клубом, похожим скорее на колхозный амбар, нежели на объект культуры, Ольга стала для него самым родным человеком. Он ей рассказывал о делах, жаловался, что его «зажали» на районном смотре художественной самодеятельности, и на областной конкурс направили бездарных и безголосых певцов!

Ольга искренне возмущалась происками чиновников местного культотдела, успокаивала, заверяя, что Филимон еще добьется больших успехов, ведь он талант, настоящий талант!

Летом инициативный Филимон организовал танцевальный кружок. Среди прочих в него записалась светловолосая школьница Елена. И тотчас надежная жизнь Филимона дала трещину.

На первый взгляд, ничего не изменилось: культработа в деревне шла по инерции, наподобие автомобиля с выключенным мотором. Тренькали на балалайках парни из струнного оркестра, регулярно по средам репетировал фольклорный ансамбль пенсионеров, обряженных в старинные платья с вышивкой, школьницы разучивали танцы. Но весь клубный механизм уже не получал подпитывающей энергии от главного источника — от некогда самоуверенного и бойкого Филимона.

Руководя танцевальным ансамблем, Филимон терялся, мямлил, лишь окаменелая улыбка опытного массовика выручала его, помогала скрыть смущение и растерянность.

— Так, девочки, — прихлопывал он в ладоши, — приступаем к разучиванию...

Однако дела танцоров не ладились — присутствие Лены и радовало, и томило Филимона. Однажды, набравшись смелости, он объявил:

— Видите ли, девчата... Ввиду отсутствия просторной сцены... Я хоть и дипломированный культработник, но танцы не моя специальность... Понимаете, я больше по вокалу, чем по хореографии... Короче, танцевальный ансамбль распускается. Больше мы с вами не встретимся...

При этом он с грустью взглянул на Елену. Ему показалось, что она насмешливо улыбнулась...

— Давай уедем отсюда? — несколько раз предлагал Филимон Ольге. — Я в райцентре устроюсь, буду руководить эстрадным ансамблем...

— Как же так? — огорченно вопрошала Ольга. — У нас здесь большой дом, сад, огород, поросенок, летом будем телят выращивать, деньги за них получим, ты купишь мотоцикл с коляской или «Запорожец»... Мы с тобой оба работаем, люди нас уважают!

Запустив все прочие клубные занятия, Филимон уделял внимание в основном себе, как солисту музыкального ансамбля. Он вдруг запел, причем запел по-настоящему — в голосе его зазвучали мотивы тоски и любовной страсти. В качестве музыкального сопровождения небольшой оркестр, состоящий из двух электрогитар и барабана.

Филимон поет профессионально, на высоких нотах томно прикрывает глаза, то прислоняя ладонь к левой стороне груди, то простирая руку вперед, в причудливые дали своего воображения.

В репертуаре Филимона песни о любви, и только о любви. В проникновенных местах голос его переходит на шепот, а конце песни Филимон с такой силой кричит в микрофон, что с потолка сыплется ссохшаяся побелка, напоминая о насущном ремонте.

Девушки в фойе танцуют или стоят вдоль стен, а Филимон сходит с маленькой эстрады, медленно движется вдоль стены и продолжает петь, заглядывая в лицо каждой из местных красавиц. Возле Лены останавливается:

Пусть даже на свою беду,
Я все равно тебя люблю...

Филимон поет, голос его дрожит. Лена не выдерживает его пронзительного взгляда, отводит глаза...

Каждый вечер, закрыв клуб, Филимон уходит за деревню. Он шагает в поле совсем один, бормочет, вздыхает, вытирает холодные слезы.

...Возле дома его поджидает Ольга. В руке у нее палка.

— Ты чего, Оль? — испуганно спрашивает он.

— Я думала, может, что-то с тобой случилось? Хулиганы могут подкараулить, избить...

— Кого? Меня? — хорохорится Филимон, расправляя плечи.

— Я вот палку взяла. От собак. Ужасно их боюсь, хоть они здесь не кусаются... Пойдем, я тебя ужином покормлю... Толюшка спит. Ждал тебя — нарисовал кораблик, говорит, папке покажу... Не дождался и заснул прямо за столом...

Ольга берет Филимона под руку и с некоторой задумчивостью на лице ведет его в дом.

